

Евгений Захаров
Светлана Берд

ЛЕТОПИСЬ
КЕНСИНГТОНА:
ФРЕДДИ
И ОСТАЛЬНЫЕ

Часть 3

Евгений Захаров

**Летопись Кенсингтона:
Фредди и остальные. Часть 3**

«Издательские решения»

Захаров Е.

Летопись Кенсингтона: Фредди и остальные. Часть 3 /
Е. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938314-3

Фарс-фанфик-байопик «Фредди и остальные» представляет собой пародийную биографию Фредди Меркури и его коллег по группе «Куин». Все события в книге следуют четкой хронологии и опираются на документальные факты. История записи альбомов и создания хитов, съемки видеоклипов и поездки на гастроли, личная жизнь музыкантов и особенности их быта — в книге не упущено ни одной мелочи. Изложено все с огромной долей такта и уважения, так, что даже самые ревностные поклонники не будут обижены или оскорблены.

ISBN 978-5-44-938314-3

© Захаров Е.
© Издательские решения

Содержание

ЛЕТОПИСЬ КЕНСИНГТОНА: ФРЕДДИ И ОСТАЛЬНЫЕ	6
КРАТКАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ ГРУППЫ «QUEEN»	6
– Часть вторая —	7
«шоу продолжается!» (продолжение)	7
/ – картинка №70 – / СВЕТСКАЯ БЕСЕДА, или САМ ПОШЕЛ! /	8
/ – картинка №71 – / ЛА-БИ-РИНТ, или ЗЛЮЩИЕ /	13
/ – картинка №72 – / КАКИМ ОБРАЗОМ У ФРЕДДИ ПОЛУЧИЛСЯ ПРЕКРАСНЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕНОР? или ВОТ КАКИМ ОБРАЗОМ У ФРЕДДИ ПОЛУЧИЛСЯ ПРЕКРАСНЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕНОР! /	17
/ – картинка №73 – / ФОКУС-ПОКУС, или НАДО ПРЫГАТЬ! /	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Летопись Кенсингтона: Фредди и остальные Часть 3

**Евгений Захаров
Светлана Берд**

© Евгений Захаров, 2018

© Светлана Берд, 2018

ISBN 978-5-4493-8314-3 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-8240-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ЛЕТОПИСЬ КЕНСИНГТОНА:
ФРЕДДИ И ОСТАЛЬНЫЕ**

**КРАТКАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ
ИСТОРИЯ ГРУППЫ «QUEEN»
В КАРТИНКАХ**

— Часть вторая —

«шоу продолжается!» (продолжение)

/ – картинка №70 – / СВЕТСКАЯ БЕСЕДА, или САМ ПОШЕЛ! /

Однажды, а точнее, на другой день после разборки с крокодилом, Брайан, зевая, поднялся с роскошного персидского ковра, и – глаза вытаращил. Рядом с ним лежали и мрачно храпели три подозрительных лохматых личности.

– Как они храпят, – сказал себе Брайан. – Они раньше так не храпели.

И заорал:

– Па-адье-ом!

Личности раззевались, захлопали глазами, вылезли из-под одеяла, и Брайан с ужасом узнал в них своих друзей.

– А, это ты? – проворчал Джон. – Ну, как дома, как дети, все здоровы?

– Да, все хорошо, спасибо, – почесался Мэй.

– Я в ванную, – сообщил Роджер. – Грязен я. Ничтожен. Верно?

– Ну немного, – тактично сказал Брайан. – Чутьочку так.

– Сам-то ты хорош! – злобно прокричал в лицо оторопевшему Мэю Роджер. – Свинообразный! Навозное! Грибок ты плесневый! Скотина! Грязный я, видите ли! На себя посмотри, ранец!

– То есть? – не понял Брайан. – В каком смысле?

– В смысле зас, – отрезал Роджер и пошел по коридору.

– Мэйчик! – раздался вдруг радостный крик.

Брайан вздрогнул и медленно повернулся. Нет, все было точно так, как было. Это крикнул Фредди.

– Простите, вы мне? – спросил Брайан.

– Да конечно! – вскочил Фред. – Брайстик! Мальчишка! Дорогой ты мой носопырь! Ты, случайно, ничего не слышал, что я во сне говорил?

– В каком сне? – удивился Брайан.

– Значит, не слышал? – Фредди расплылся еще шире.

Брайан решил немножко его помучить.

– Ну, смотря об чем речь, – туманно сказал он.

– Браюся! – заизвивался Фредди. – Ну чего я говорил? Чего? Скажи мне скорее!

– Изволь, – кивнул Брайан. – Вот что ты говорил: «В детстве вера прививается и усваивается легче и крепче. Воспитание в глубокорелигиозной христианской семье является корнем, основанием. Такая вера выдержит испытания, невзгоды, лишения, и лишь окрепнет».

– И это я сказал? – брови Фредди трепетали на самом краешке лба.

– Сильно сказал, – пожал ему руку Джон. – Ну так чего?

– Чего-чего? – хмыкнул Брайан. – Пошли чайку тяпнем.

– Чайку! – потер руки Джон. – С водочкой!

– Индийского! – облизнулся Фредди.

– Пиквик! – крикнул Мэй. – С фруктой!

– С селедкой еще скажи, – ядовито сказал Роджер.

– Вы еще не в ванне?

– Я за полотенцем, – пояснил Тейлор. – Вытираться чем я буду? Исподним?

Полотенца он не нашел, сорвал вместо него со стены какой-то средневековый гобелен и оскорбленно удалился в ванную. Там он застал ужасающую драку. То Дэвид Боуи безуспешно сражался с Ангусом Янгом.

Дело в том, что Ангус пару дней тому назад пробрался в ванную к Боуи, да не один, а с братом Малькольмом и Брайаном Джонсоном (куда ж его девать?), и всласть накутился,

устроив там сауну с парной и пивом. Убрать за собой, конечно, никто не озаботился, и вернувшийся ввечеру Боуи был мило и просто поставлен перед фактом – грязными следами, пивной пеной, скелетами тараньки на стенах и висящими на бельевых веревочках носками купальщиков.

Как было не мстить? Вот Боуи и мстил. Кроваво и беспощадно. Но пока бесплодно – к Ангусу на выручку примчался доктор Габриэл, и они вдвоем уже одолевали визжащего и плюющего Буя.

Роджер посмотрел на дерущихся, фыркнул и пошел мыться в кухню. Тем более, что там его уже ждал Джон с излишками водки, не вместившейся в чайник. Излишки были вкусные, и после употребления последних просто необходимо было добавить. Добавили пивом, потом зажевали сгущенкой и пучком зелени. И в карты? Понятное дело, в карты. По маленькой, Джон? По маленькой. Ну поехали. Хода нет, ходи с бубей. Знал бы прикуп, жил бы в Глазго. Полковник был такая... ну и так далее.

– Здравствуй, Фред! – тем временем разговаривал Фредди со своим отражением в зеркале. – Да какие вы молодцы! Да как вы хорошо выглядите! Экие усы!

– Да какие мы омерзительные, – подхватил Брайан. – Да какие мы отвратительные!

– Ты, сволочь! – оцетинил усы Фредди. – Че ругаешься, катценхаус!

– Хочу – и ругаюсь! – откликнулся Мэй.

– Да я ж тебя кормил! И поил! И усы подстригал вот этими самыми ручками!

– Какие усы? – осовел Мэй.

– Да вот эти, вот эти! – и Фредди затыкал в зеркало пальцем. – И ваще, ты в меня своими ногтями грязными не тычь! Сукин сын!

Тут только Брайан понял, что Фредди поссорился со своим отражением, а комментарии его, Брайана, принимал за зеркальные.

– Хи-хи-хи! – засмеялся он. – Сам себя обозвал! И я смогу – сукин сын!

– Кто? – повернулся Фредди. – Кто сукин сын?

– Да ты, – пожал плечами Мэй. – Сам себя обозвал.

– Тогда ты, – и Фредди отошел подальше для разбега. – Выря! Ослица! Жареный!

– Ты сам жареный, – обиделся Мэй. – Курдюк! Бурдюк! Мерзюк! Хуже даже – мерз!

– Я – мерз? – Фредди встал на карачки и медленно пополз к Брайану. – Я, да?

– Очень мерзкий мерз, – застенчиво сказал Брайан. – Если вы позволите.

– Да как ты смеешь, толстая морда, называть меня мерзком?

– Смею! Еще как! А как ты смеешь ползти ко мне на карачках?

– А вот как ты смеешь писаться у меня в студии?! – заорал Фредди, и усы его затряслись от злости.

– А ты как смеешь петь в мой микрофон?

– А ты как смеешь играть на моей гитаре?

– ЧТО?

– Чего?

– Чья гитара?

– Ну уж не твоя!

– А чья же еще, слепой музыкант?

– А ты – дите подземелья!

– Ну ты негодя-ай! – замыкал Мэй. – Да вообще как ты смеешь ругать меня в моем присутствии? Сожрал?

Фредди открыл рот, сказал: «Хиджр» и медленно его закрыл. Он не находил слов для ответа. Разбежавшись, Фредди быстро-быстро, крепко-крепко постучался головой об каминную доску, и вдруг! Нашел! Нашел он Элтона Джона, который стоял, завернувшись в штору, и его не было видно. До настоящего момента, конечно.

- На вот тебе! – рывкнул Фредди, суя Элтона головой вперед под нос Брайану.
- Да на кой мне сдался этот лещ? – сморщил нос Мэй. – Снудый наверняка.
- Нашел я его, – пояснил Фредди, – забирай скорей, пока не попало!

Мэй аккуратно взял в охапку Элтона, а Фредди с легким сердцем ушел на кухню – подсматривать в карты Джона.

- Не лезь, советчик, к игрокам, не то... – начал было Роджер.
- Сам, – и Фредди вернулся в комнату, где застал Брайана плачущим.

Фредди, не долго думая, схватил Элтона, сидящего по-турецки и курящего кальян, за грудки, бешено затряс и проревел:

- Кто посмел обидеть моего наилучшего из наилучших?
- Да вот, – прохныкал Мэй. – Кто-то сел на мой парик и помял его!
- Ты зачем сидишь на его париках? – и Фредди треснул Элтона по уху. – Тебе чего, сидеть

негде?

- Да это не он! – простонал Мэй.
- А кто? – Элтон был безжалостно отброшен.
- Не знаю-у-у! – и Брайан, вынув свой невыразимый фиолетовый платок, затрубил в него.
- Неженка, – показал на него Фредди. – Видали?
- Я очень смелый, – шмыгая носом, сообщил Мэй.
- Печенье «Нежность», – прохаживался Фредди. – Чувства и чувствительность!
- Отважный я! – плакал Мэй. – Не говорите грубостей!
- Жалостливый! – смеялся бездушный Фред.
- А ты! А ты-ы! Ы-ы-и-ихх! Хрумфффф! Йааййсссьь... – Мэй попросту сдулся.
- Ну чего ты пищишь? – примирительно заметил Элтон Джон.
- Кто пищит?
- Ты пищишь, кто же еще?
- Это Я пишу?
- М, – неопределенно отозвался Элтон.
- Нет, это я пишу? Это ты МНЕ говоришь? – завелся Брайан.
- Нет, – пожал плечами Фредди. – Я молчу вот уже целую минуту. А что – ты пищишь,

что ли?

- Пищал ли я? Ха! Ну конечно! То есть, тьфу! Не пищал! Это ты пищишь!
- Ах, я пишу? Я ПИЩУ?
- Да! – смело сказал Брайан и схватил леща.
- Я пишу! – бесновался Фредди, скача вокруг Брайана. – Я у него, видите ли, пишу!
- Да нет, не пищишь, – заметил Элтон Джон.
- Значит, он пищит?
- И он не пищит.
- А кто ж тогда пищит?
- М...
- И вообще ты во всем виноват, – и друзья, окружив Элтона, собрались задать ему перцу.

И задали бы! Кабы не возвратились из кухни Джон и Роджер, а вслед за ними, оставляя грязные следы, из ванны не пришел Боуи, донельзя сырой, но не менее радостный.

– Как твой адвокат, – тут же сказал Джон Элтону, – я советую тебе немедленно рассказать, в чем дело!

- Я! – рванулся к нему Фредди. – Я скажу! Он же пищит, а ты спрашиваешь!
- Кто пищит? – почесал в затылке Джон.
- Ты что – тупой? Какой же ты тупой!
- Я попросил бы не оскорблятьстряпчего! – подал голос Боуи.
- Хорошо, мне все ясно, – заметил Джон. – Кроме одного: кто же все-таки пищит?

– Он! – сказали хором все, показывая друг на друга.

Даже Роджер показал одной рукой на Элтона, а другой – на Брайана. Задранной ногой же он указывал на Фредди.

– Прекрасно, – ответил Джон. – Теперь заслушаем прения сторон. Элтон – к барьеру!

Элтон вышел к барьеру, отставил ногу и стал рассказывать:

– Я говорю, что они пишат. Они говорят, что я пишу. Но пищать я попросту не могу, потому как пишат они, а не я. Нам же, всем вместе и каждому в отдельности, в заданных условиях предписанного, тождественного, релевантного, пертинентного и суммированного, в одно время и в одном же месте, просто, как-то, знаете ли.., – и он. замолчав, выразительно развел руками.

– Понятно, – кивнул Джон. – Ну, что же, нечто подобное я и предполагал.

– А все-таки, – подал голос Боуи. – Кто пищал-то?

– Они, – отозвался Элтон. – Или я. Не помню. Давно здесь сидим.

– А если честно? – нахмурился Джон.

– Если честно, то я боюсь, – прошептал ему Элтон. – Но могу и честнее – пищал я. Или они.

– Так, – сказал Роджер. – Кто из вас врет? Ты, Годзилла?

И он указал на Фредди, который тут же запел басом арию царя Бориса.

– Значит, он пищать не может, – сделал вывод Джон. – Следовательно, он не врет. А кто?

И все быстро обернулись, уставившись на Брайана. Тот смутился, принялся что-то горячо и хлопотливо объяснять, но тут же закатил глаза и с шумом упал.

– Допищался, – заметил Роджер.

– Пискун, – с омерзением констатировал Фредди.

– За что уронили оного? – показал пальцем на тело Джон.

– Тут как все вышло-то, – принялся махать руками Фредди. – Мы собрались поругаться, а тут – вон оно что!

– Ру-гать-ся? – хищно сказал Джон. – Я вот как позову Рингу – и будет вам на молочишко! Да как же вам не стыдно, вы, уважаемые в узких кругах люди и относительно популярные рок-звезды?!!

– Да! – вмешался и Элтон. – Как решились вы ругаться – без нас? Вот я вам подкину несколько вкусеньких образчиков брани – волосянки, гусеницы, червяки кольчатые, ноги перепончатые! Ржавые кабаны, особенно – Брайан! И еще – хвосты. Казуары. Тина.

Слово «тина» было последней каплей для присутствующих. Особенно – для нашего дорогого Брайана, который едва проморгался, как вдруг – «ржавый кабан»! Словом, над восстановлением морального облика Элтона он работал сильнее всех. Аккуратно вытерев напоследок ноги о бывшую когда-то белоснежной манишку Элтона, он уселся в кресло и вытянул ноги.

Тут в приоткрытую дверь сунулась чья-то удивленная физиономия.

– Добрый день! – сказала она, непристойно вращая глазами. – А что тут? Пьют?

– Ругаются, – заметил Роджер.

– Кто это? – осведомился Фредди, сидя спиной к двери. – Что за палочник?

– Это Дэвид пришел, – сказал Джон.

– Он здесь, – Фредди указал на Боуи. – Не делайте из меня осленка.

– То не тот, то другой Дэвид. Гэхен его фамилия. Этот самый Гэхен славится.

– Чем славится? – капризно сказал Фредди. – У нас тут кто-то славится, а мне не говорят? Может, нам его побить следует? Чтоб не так славен был?

– Он ругается хорошо, – сказал Джон. – Лучший в мире по бранным словам.

– Лучший в мире – это Курт Кобэйн, – покачал головой Фредди. – На свалку его.

– Я ругаюсь красиво, – сказал Гэхен, уже проскользнувший в комнату и теперь сидящий у камелька. – А он – вульгарный тип.

– Чо это? – сказал Кобэйн, вылезая из камелька. – Это я – тип? Вмажу сейчас! Давно я за тобой охочусь, люпус!

– А ты тогда – азинус!

– Рот закрой, каша без топора!

– Сам заткнись, моржачий!

– Задавлю, продранный!

– Я сам тебе по голове дам, сплющенный!

– Ну, держись, жук-асцедент!

– Да на себя посмотри, младший аркан!

Кобэйн не выдержал и с криком налетел на Гэхена. Они, мяукая и подвывая, покатались по полу, сшибая и разбрасывая во все стороны мебель и присутствующих. Все кинулись их разнимать, и в результате обычный беспорядок в комнате превратился в БЕСПОРЯДОК.

– Устал я! – заявил наконец Брайан, вставая с кресла. – Пошли вон из моего дома!

И тут внезапно все вспомнили, что находятся в гостях у Брайана. И всем стало фу, как стыдно. А Мэй, нимало не смущаясь, прошествовал в кладовку и заперся там.

– Он объявит там голодовку! – осенило вдруг Элтона. – И сдохнет, а нам потом отвечать!

Все кинулись к двери в кладовку и принялись уговаривать Брайана выйти.

– Не могу! – кричал Брайан, судя по звукам, пытающийся изошренно свести счеты с жизнью. – Не вылезят, окаянные!

– Не надо, Мэйчик! – вопил в щель Боуи. – Они все просят прощения!

– Просим! Просим! – раздался нестройный гул голосов.

– Не выйду! – отвечал Мэй. – Рано еще!

– Брайан, не надо! – завопил Джон. – Как же мы без тебя?

– Я ненадолго, – говорил Брайан. – Мы скоро встретимся.

– О! – и Фредди принялся ломать руки. Гэхену. – Это все из-за вас! Разнесли весь дом! Шакалы! Избить, и все!

И он бросился с кулаками на общество, но тут дверь кладовки отворилась.

Нервный Элтон завизжал, ожидая увидеть болтающийся в дверном проеме длинный и несчастный труп Брайана с табличкой на груди: «В моей смерти прошу винить всех, поскольку все – сволочи!».

Однако Брайан, живой, здоровый и пыхтящий, просто задом выкарабкался из кладовки, таща за собой кучу всякой дряни. Которой он тут же принялся всех оделять, аргументируя.

Элтону он вручил пылесос (Ишь, как извалял мой ковер! Линяешь, что ли?).

Боуи – тряпицу и «Мистер Мускул» (Драй, драй, тебе полезно).

Джону – поварешку (что-то кушать хочется...).

Роджеру – ситечко (И пить...).

Фредди – выбивалку для ковра (Ты же больной, тебе надо чистым дышать).

Кобэйну и Гэхену выпало особое задание. Они должны были развлекать трудящихся во время страды. Залезши на шкаф, они тут же принялись петь на два голоса, и это было жутко и страшно.

В общем, квартира довольно скоро была вычищена. Мэй, проснувшись через два часа, принял работу, после чего пригласил всех в столовую, на чашечку чая. С водочкой, конечно. А вы подумали, с чем?

P.S. Что же Фредди делал с выбивалкой, спросят нас пытливые читатели? Ну не ковры же выбивал, верно? Он ею дирижировал, не позволяя нашкафным певцам сбиться с такта. А что же они пели? В основном народное: гимн солнцу, «Ох ты, Порушка-Пораня», ну и подобную рвань. Всё.

/ – картинка №71 – / ЛА-БИ-РИНТ, или ЗЛЮЩИЕ /

Однажды вечером Брайан проходил мимо студии и с удивлением заметил, что двери ее забиты досками, а щели законопачены кусками клеенки и жвачкой. На двери болталась дощечка, извещающая возможных посетителей, что «Ходить кругом через черный ход, но лучше не надо». Брайан сразу понял, почему «лучше не надо» – из-за забитой двери неслись ужасные крики и хриплые вопли.

– Чую глас Фредов, – прошептал себе Брайан. – На него напали. Спасать надо.

И он осторожно пошел обратно. Но тут его внимание привлекла кошка. Знакомая это была кошка. А именно – кошка Фредди по кличке Переверсия. И вылезала она из неприметной отдушины в стене студии. Кстати, и оттуда время от времени вырывались отчаянные клики.

– Ну почему я? – захныкал Брайан, но все-таки подошел к отдушине и всосался в нее. Отчаянно работая позвонками, он прополз по всей вентиляционной системе и – выпал. Прямо под ноги Фредди и Роджера. Которые поглядели на него с укоризной и злобой.

– Нарисовался, – сплюнул Роджер. – Фред, ты же сказал, что никто нас не найдет и никто не придет? А этот? Ворвался, понимаешь, как неясить!

– Кто же знал, – развел руками Фредди, – что этот разгильдяй окажется таким настырным? Разве пришибить его совком?

– Не надо меня шибить! – попросил Мэй. – Я сам уйду!

И правда, он попытался сам уйти. Тем же способом. И благополучно застрял.

– Ты скоро? – спросил Роджер у отчаянно дергающихся и сучащих ног товарища. – Нам некогда. Дела у нас. А ты мешаешь, мossaд ползучий!

– Вали отсюда! – Фредди ущипнул Мэя за лодыжку. – Лезь давай!

– Не могу, – глухо сказали из дыры. – Стимула нет.

– Че застрял? – заревел Фредди, ошетилив усы.

– От волнения, – пробубнил Мэй. – Расширение физических тел вследствие стресса.

Книжки надо медицинские читать.

– Я тебе почитаю щас! – и Фредди разорвал закричавшему Брайану левую штанину.

– Лезь, ты, сволочь! – пыхтел Роджер, толкая Мэя в зад микрофонной стойкой.

– Погодите! – вопил Брайан. – Там мешает чего-то! Не могу понять!

– Будьте любезны! – орал в ответ Фредди. – Освободите проход!

– Помогите! – заверещал Брайан. – Скорее, тащите меня обратно!

Роджер поморщился и посмотрел на Фредди. Фредди сделал удушающее движение и посмотрел на Роджера. Они ухватили за ноги Брайана и вытащили его на свет вместе с затычкой, коей, к всеобщему удивлению, оказался мессир Джон Дикон.

– Еще один, – с тоской сказал Роджер. – Что за пакость?

– Это же я! – бархатным голосом успокоил его Джон. – Не узнали?

– Узнали, – сказал свирепо Фредди. – Вон!

– Не смею, – смиренно откликнулся Дикон, склонив голову, – покуда не известно будет нам о богомерзких занятиях, кои воспроизводили вы тут вдали от родной и неизмеримо большей части коллектива?

– Большой? – Фредди раздулся, как жабак. – Кто тут главный?

– Мы, – сказал Джон. – Еще вопросы есть?

– Ну и идите отсюда! – раздул ноздри Роджер. – Не скажем ничего!

– Он пошутил, – встрял Мэй. – Извините моего несдержанного дружка.

– Как дам сейчас! – обычно невозмутимый Джон рассердился не на шутку. – Всех разобью! Скрывают! Палкой вот этой, – и он, подхватив с пола забытый совок, ринулся в бой. Совок был отнят и отправлен в угол, а Джону мигом поднесли вкусный пирожок с малиною.

– А, ну так это же совсем другое дело! – и Дикон принялся лакомиться, не обращая внимания на умиленно смотревших на него друзей.

– Чем вы тут занимались-то? – спросил Брайан, когда смотреть на жующего Джона надоело. – Читали вслух? Или плели чертей из капельницы?

– Мы клип репетировали, – нехотя расколосся Фредди. – Мой. Называется «Great Pretender».

– То-то вы и притворялись? – восхитился Брайан. – Ловко!

Фредди, которому эта идея в голову не приходила, горячо закивал.

– Точно! – сказал он. – Мы входили в образы!

– А как же я? – восторженно спросил Мэй. – И Джон? Мы-то? Как?

Фредди с укоризной потыкал ему в живот согнутым крючком пальцем.

– Не возьму, не возьму, голубчик, – ласково сказал он. – Фактура не та! Ребра-то, а? Гляди! Просто шереметьевский баркас какой-то! Как грится, над синим над морем плыл белый баркас, за баркой тащился угарнейший газ! Это про тебя!

– Фактура не та? – оскорбился Мэй. – Во!

И он выпятил свою впалую грудь, как голубь-дутьш.

– Оно и видно, что ты самый натуральный принтипрам! – захохотал Фредди.

Брайан замер.

– Как? – тихо сказал он.

– Принтипрам, – нерешительно сказал Фредди. – Комик. Петрушка ты. Петраков-Горбунов.

– Ага, – и Брайан аккуратно поддернул рукава.

– Дурак ты, – сказал Фредди Роджер, и юркнул в отдушину. – Сегодня что?

– А что сегодня? – опасливо спросил Фредди.

– Полнолуние! – и Джон нырнул вслед за Роджером. – Атас!

– Мэю плохо, товарищи! – раздался крик Роджера уже с улицы. – А сейчас и Фредди будет! Помогите, кто может! Кто может – помогите!

– А, ч-ч-черт! – выругался Фредди. – Я и забыл!

– Поздно, – заявил Брайан, пальцем пробуя клыки на остроту. – Казнить нельзя помиловать.

И он бросился на Фредди.

– Стоп! – крикнул вдруг Фредди. – Не можно меня грызть!

– Это почему? – мягко спросил Мэй, приглаживая рыжую шерсть на ушах. – Можно.

И еще как.

– Ты забыл? – и Фредди подвигал бровями. – Заражу тебя. Могу.

– Ага! – сказал Брайан насмешливо. – Свинкой.

– Козлинкой! – сердито отозвался Фредди. – И значит, ты умрешь.

– Ага... – сказал Брайан, начиная понимать.

– Не смей понимать! – рявкнул ему Фредди. – Ты ничего понимать не должен! Но опасаться – обязательно.

– Ага, – сказал Брайан в третий раз, и тут же забыл о вышесказанном. – Хорошо, раз кусаться нельзя – задушу.

– Да за что же? – прохрипел Фредди, уже висая в воздухе.

– Положено, – и Мэй старательно задушил Фредди.

Не до смерти, конечно. Фред бы этого не позволил никому. Он пнул Брайана в нехорошее место и сбежал. Кинувшись в щель под плинтусом, он понял, что опоздал – там уже сидели восемь тараканов, мышонок и Элтон Джон, показавший ему кулак. Фредди мгновенно понял, что ему, как и Кевину Костнеру в похожей ситуации, бежать совершенно некуда. Он с пол-

нейшим равнодушием поглядел на наступающего, как кавалерия, Брайана, и, скрестив руки на груди, изрек:

– Где твой кинжал? Вот грудь моя! Лучше не подходи, а то... А то как дам тебе по затылку дубиной!

Брайан захохотал и вытянул свои страшные шерстистые руки. И тут за спиной потерявшего человеческий облик гитариста появился темный силуэт и без звука опустил ему на голову силуэт дубины. Брайан икнул, сказал: «Хрящевато мне» и грохнулся прямо на синтезатор, нажав сразу на все клавиши. Раздавленный инструмент издал истошный крик, который услышали все жильцы окрестных домов в радиусе пяти миль. Но – не обратили особого внимания, решив, что это опять дедушка Джорджа Харрисона вернулся домой позднее обычного и попал под кастрюльно-сковородочный обстрел бабушки Дикона, которая с недавних пор жила вместе с дедом в кенсингтонском браке – сложном, но зато нескушном.

Черный человек тем временем вытащил Фредди из-под стола и заботливо привел в чувство хлесткими ударами по щекам. Конечно, это был Дэвид Боуи. Он шел домой со съемок фильма «Лабиринт», где играл короля гоблинов Джерета, прямо в гриме и гоблинском плаще, и слышал дикие вопли Роджера. Спасти же несчастного Фредди, как объяснил сам Боуи, ему захотелось из чисто моральных соображений (хотя и ему было понятно, что он надеялся на крупное вознаграждение). Фредди пожаловал Боуи пять фунтов за спасение души, после чего велел идти в «Шинок», заказать там два подноса имбирного пива и ждать. Что Буй с блеском и исполнил.

Брайан пришел в себя через пять минут.

– Вы живы, друг мой! – кинулся обниматься Фредди. – А я уже стал волноваться, что останусь без развлечения!

– Какого еще развлечения? – сварливо отозвался Мэй. – Отцепитесь, ради Бога. И отчего у вас на шее пятна? Вас душили, может быть?

– И еще как! – радостно сказал Фредди. – Но это в прошлом. Идемте, дорогой вы наш человечек, в «Шиночек», дабы отметить!

– Чего отмечать? – ворчливо сказал Брайан. – Дела надо делать. Картошку там, овес... На поля надо, товарищ!

– Сначала – в паб, – непререкаемым тоном заявил Фредди. – А то какая работа?

Придя в «Шинок», они застали там Боуи за бокалом эля «Давайте плясать», Джона с неизменной «Группенчайкой», Джима Хенсона с «Мэри», а также еще около дюжины кенсингтонцев, сгрудившихся вокруг их столика. Хенсон как раз, давясь от смеха, потешал собравшихся рассказом о том, какие слова кричал Боуи на съемках «Лабиринта», когда его вертели, подвесив на веревках, во все стороны!

– А что он кричал, когда мы пошли пить кофе, а его оставили тихонько качаться вниз головой?! – кис от смеха Хенсон. – Я такие слова даже написать боюсь! У нас два прожектора лопнули!

– Гррммм, – отвечал Боуи, которого, по-видимому, рассказ не очень потешал.

– А вот и мы! – обрадовал всех Фредди, входя в помещение и втаскивая за собой Мэя. – Где наше пиво?

– Я не пью пива! – отрезал Брайан. – Сахарной водички, будьте любезны. Полкружечки, я на службу опаздываю.

Мгновенно в «Шинке» наступила зловещая тишина. Стали оглядываться даже сидящие за дальними столиками мрачные личности.

– А ну, мужики!

– и кричащийлягающийсяругающийсяисопротивляющийся Брайан был повален на столик, а в рот ему через воронку была влита добрая порция имбирного. Мэй еще какое-то время икал и исходил пеной, но вскоре его повело, он обнял Боуи, Фредди назвал «доро-

гая», и, влезши на стол, объявил текущий день «Праздником избавления от скверны». Пиплы вывалили за пьяным Мэем на улицу, повлеклись к Темзе и чуть не потонули все к чертовой матери...

Всё. А чего вам еще? И так ясно, что утром Брайан едва не подох от жуткого похмелья. И Фредди утром едва не подох от злости, когда увидел, что Боуи безжалостно обесцветил его дареный парик. А про несчастного Джима Хенсона вы все знаете. Да, да. Это все из-за того проклятого ночного купания. Не лезьте в Темзу в сентябре, иначе сведения о вас в Энциклопедии Удивительных Людей будут занимать одну строку и две даты. Мы всех вас любим. Потому что вы читаете нашу книжку. А кто не читает – к тем мы относимся с сухим недоверием. И не любим. Вот. Хотя, может быть, они просто не умеют читать? Ну так прочтите им кто-нибудь вслух! Лады? А нам спать пора.

/ – картинка №72 – / КАКИМ ОБРАЗОМ У ФРЕДДИ ПОЛУЧИЛСЯ ПРЕКРАСНЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕНОР? или ВОТ КАКИМ ОБРАЗОМ У ФРЕДДИ ПОЛУЧИЛСЯ ПРЕКРАСНЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕНОР! /

Однажды Фредди захотел петь серьезные штуки. Сольными проектами он заниматься не собирался – хватило с него «Беда Гая». После этой волокуши их отношения с Макком осложнились до такой степени, что бедный мюнхенец получил пенсионную книжечку и медаль «За спасение утопающих», потому что медалей «За долготерпение в работе с Фредди» еще не выпускали.

Но Фредди – на то и Фредди, чтобы не опускать рук. Поэтому он затеял межрайонные соревнования по настольному хоккею. Это такая игра с шашечками, гоняемыми специальными клюшечками по игровому полю. Желающих Фредди записывал, а нежелающих бранил и дергал за волосы, принуждая.

Брайан же ничего про хоккей не знал. Он внезапно обнаружил, что все концертные, клиповые, авторские и потиражные у него закончились, и время пришло вновь работать в пожарной части, тем паче что Элтон, подрабатывающий там колоколом, ушел в вынужденную отставку – голова очень болела.

Прибежав в пожарку, Брайан с удивлением узрел там всю команду, сидящую у телевизора и с вождением зрящую концерт «Живая магия» на Уэмбли. При этом у касок всех номеров текла обильная, тягучая и осклизлая слюнища. Брайан решил сбежать, но был замечен.

– А-а-а! – нехорошим голосом протянул начальник части. – Вот и наш гитаристик. Давненько, знаете ли!

– Я ж занят был, – пропищал Мэй, показывая на экран. – Сами видите!

– Видим, – склонил голову начальник. – Значитца, ты у нас звезда нонче?

– Гражданин начальник! – завыл Брайан. – Пожалей! Я нищ, как мышь!

– А Мэй-то зажрался, – осуждающе покачал головой один из визитоповцев.

– Пошел отсюда! – заревел начальник. – Ты уволен!

– Да какая же я звезда, дорогие мои! – захныкал Мэй. – Хоть поверте! Хоть проверте!

– Это что? – ткнул ему за спину нач.

– Гитара моя, – развел руками Брайан. – Балуюсь иногда. А за это, – он покосился на телевизор, – я денежек уже не получаю, не-ет!

– Сыграйте, – попросил один из касок, Энди Белл.

Его напарник, Винс Кларк, согласно качнул большой ушастой головой с низким и покатым, как у пещерного человека, лбом.

– Я стеснителен, – покраснел Брайан. – На людях не могу.

– Играй, тебе сказали! – заорал начальник, покраснев лицом.

– Извольте, господа, – и Мэй, неуклюже охватив гитару, попытался подобрать одним пальцем «чижика», но предательские руки вспомнили и вывели длинную уничтожительную для окружающих руладу.

– Эт-то что.. Эт-то к-как понимать? – сдвинул брови нач.

– Чижик-пыжик, где ты был! – немзыкально завопил Мэй, дергая за струны, которые, против хозяйской воли, так и норовили выдать заунывную приятную трель.

– аааАААааа! – и Брайан, закрываясь руками, вылетел на улицу, провожаемый запущенным ему в голову штуцером.

Он стоял на перекрестке и горько плакал, как вдруг к нему подошел Элтон Джон.

– Что? – спросил он отеческим голосом. – Выгнали?

– Выг-агаг-нали! – прохлюпал в ответ Брайан.

– Работы нету? Это не беда, – и Элтон, пожалев маленького Мэя, встал на цыпочки, чтобы погладить его по кудлатой голове. – Идем. Я знаю, что делать!

– Я тоже, – утер слезы Мэй. – Пойду и утоплюсь. Пусть друзья завидуют. Пруд – лишь для тех, кто вправду крут.

– Глупенькой! – и Элтон, взяв Мэя за руку, повел за собой.

А привел он его в один большой дом, где за столом сидел дядечка с очень строгими глазами, которого Мэй никогда в жизни не видел.

– Ты хочешь продать меня? – шепнул он Элтону. – На галеры?

– Тихо ты, капустаян, – ткнул его в бок Элтон. – Не позорь мою плешь.

И он подтолкнул Мэя к столу.

– Мне очень страшно, – доверительно сказал Брайан дядечке. – Но я терплю.

Дядечка строго посмотрел на Брайана.

Брайан трусливо посмотрел на дядечку.

Дядечка вытащил из под стола гитару и нацелил ее на Брайана.

– Все скажу, – задрал лапы вверх Мэй. – У Коллинза тайная фабрика по производству открывашек. Фредди хочет Макку подсыпать в постель ведро тухлой капусты. Стинг списал две ламы, а сам на них ездит в горы за дровами. Боуи боится щекотки. А Элтон...

– Хватит, хватит! – зашипел Элтон. – Мы пришли сюда не за этим.

– Точно, – кивнул дядечка. – Распишитесь тут.

Брайан дрожащими руками взял маркер и написал на гитаре большими корявыми буквицами «Браин Муй». Дядечка отнял гитару, качая головой, исправил ошибки (Брайан проворчал: «Мне лучше знать, как меня звать»), потом швырнул ее через всю комнату на конвейер и крикнул:

– В производство!

– А где это? – бестолково закрутился на месте Брайан. – Куда?

– Я не вам! – огрызнулся дядечка. – Ваша гитара теперь в серийном производстве. С вашим именем. И получать вы за это будете... – и он показал Мэю последнюю строчку контракта.

Мэй встал на руки и захопал в ноги. Его успокоили, после чего он стал неизмеримо важен, солиден и попросил показать, где здесь туалет.

... Фредди же тем временем тоже раздумывал, куда бы поехать в свободное время. В Мюнхен ехать он не хотел, так как только что подсыпал кое-куда ведерко кое с чем. На Ибицу его не звали после того, как он со своим ибицовским приятелем Тони Пайком поджег две дюжины воздушных шаров, развешанных для красоты возле одного ресторана. Потом, правда, выяснилось, что они сами и развесили эти шары, готовясь к вечеринке в честь самого Фредди и Элтона Джона, но это островитян не колыхало, и английские гости за нарушение экологической обстановки были выставлены вон.

Через неделю Фредди с Джоном пролетели над Ибицей на дельтаплане и обильно оросили красоты острова засахаренной сгущенкой, окончательно потеряв надежду на последующий островной отдых.

– Тьфу! – сказал Фредди в ответ на официальный разрыв отношений с Ибицей и решил немного позаниматься благотворительностью. Для начала он отправил пару фунтов маме с папой с просьбой купить себе приличный особняк где-нибудь в центре Лондона. Папа уже не сердился на беспутного сына, поэтому переезду обрадовался. Однако ни в какой не в Лондон, а в маленький домишко возле шумного аэропорта Хитроу. Мама чуть не убила несчастного папу, но тот был непреклонен.

– Пусть не называет нас иждивенцами! – гордо говорил он. – Голодранец!

Мама утирала слезы, но все же пошла на поводу у папы. Сестру же Кашмиру не спрашивали – она всегда и на все соглашалась.

Фредди же на все на это было глубоко начхать. Он отправил деньги, и Бог с ними со всеми. Покончив с меценатством, он решил пойти в гости к Роджеру. Но того не оказалось дома. Тогда он решил пойти в гости к Джону. Но и того – вот проклятье! – тоже не оказалось дома.

– Убью! – пообещал Фредди. – Всех! Вот только к этому зайцу Брайану заскочу. Мы их вдвоем уьем!

У Брайана же сидела Анита. Она зловредным голоском сообщила, что мистер Мэй в отличие от некоторых тунеядов занимается работой. Фредди, проглотив «тунеяда», тактично осведомился, где же изволит работать мистер Мэй? Анита, мило улыбаясь, сообщила, что мистер Мэй, в отличие от прохлаждающихся лентяев, день-деньской пашет в своей конторе. Фредди сквозь зубы потребовал адрес конторы. Анита, лениво потягиваясь, адрес дала. Фредди вышел, аккуратно обрезал все бельевые веревки, насыпал в газонокосилку камешков и выложил на коврик нехорошее слово из собачьей радости. После этого он с чувством выполненного долга громко кашлянул, одновременно сломав замок на почтовом ящике, и решил все же сходить поглядеть на чудо двадцатого века – работающего Брайана!

Он зашел по указанному адресу, открыл дверь в кабинет – и застыл на пороге. За огромным дубовым столом, небрежно положив на него ноги в лаковых штиблетах, сидел Брайан Гарольд Мэй! Одетый в великолепно сидящий белоснежный смокинг и зажав в зубах сигару, он небрежно отвечал на телефонный звонок:

– Ну? – гремел он. – Слушаю! А, Хэммет! Чего бы вам хотелось, Хэммет? Вы не имеете струн, но имею их я. Я желаю их продать. Вы желаете их купить? В таком случае обратитесь к моему коммерческому директору, скажете – мистер Мэй просил уважить. Да, конечно, в гольф не откажусь. А Шенкеру скажите, чтоб больше здесь не появлялся, я ему позавчера обеспечил! А я говорю – обеспечил! А я говорю – нет. А я говорю – в морду ему дам! Что? Не хочет? Ну вот видите. До встречи. Мой поклон Ольге Яновне. Я жду вас во вторник!

– Видал? – спросил он у Фредди, брякая трубку на рычаг. – Проблемы, проблемы... А у кого их нет? У тебя тоже, видимо, есть, раз ко мне зашел?

– Ты таперича крестный отец? – с уважением спросил Фредди и даже усы пригладил.

– В каком-то смысле, – деловито сказал Мэй. – У тебя все? Я, конечно, рад, что ты навестил, но – дела, дела, контакты, конфликты... Заходи попозже, скажем, – он полистал календарь, – годика через пол. Как раз денек у меня свободный будет.

– А если альбом писать, – с сарказмом заметил Фредди. – то мне как – через год прибегать?

– Вот-то, вот-то, – снова сказал кому-то в трубку Мэй. – И тре-мо-ло! Запиши, – и он отвернулся он Фредди, сделав ему через плечо прощальный жест пальцем. Фредди тоже сделал ему жест пальцем – но отнюдь не прощальный. Он не желал уходить. Он так и заявил:

– Не пойду!

Тогда Мэй нажал какую-то кнопку, и в кабинет тут же влетели Лемми и Том Арайя. За ними гигантскими шагами топал Бабба Смит. Фредди заулыбался ему, как старому знакомому, снял пальто и протянул Смиту со словами:

– Вон там, гардеробщик, повесьте, пожалуйста.

Бабба взял пальто и со словами:

– Г-гардеробщик... – надел пальто обратно на Фредди, схватил его за лацканы и вышвырнул в окно. Лемми и Том придерживали Фредди за ноги, чтобы вернее прошел.

Внизу послышался жалобный крик Дэвида Боуи.

– Гардеробщики! – раздался сверху крик Смита. – Гардероб не хотите починить?

– Я вам покажу! – Фредди побросал ногами и пошел, делая вид, что не слышит из-под снега стонов Боуи.

А пошел он к Джону, в смутной надежде, что тот вернулся. Тот вернулся, и встретил Фреда на пороге с бутылкой масла «Джонсон&Джонсон».

– Это мне? – с омерзением посмотрел на масло Фредди. – Пошли лучше водочки тяпнем!

– Нельзя, – отказался Джон. – У нас прибавление.

– Так тем более! – подпрыгнул Фредди. – Обмоем!

– Говорю – нельзя, – и Джон развернулся уходить.

Фредди схватил его за полу халата, но тут же был окачен маслом и присыпан присыпкой.

– Мои глаза! – вопил Фредди, катаясь по площадке.

Джон, и не подумав глянуть, что там у друга с глазами, захлопнул дверь. Фредди тут же поднялся и стал вырезать ногтем на двери Джона краткое, но емкое слово. Дверь тут же распахнулась, и Шерри одела Фредди на голову памперс, закрепив липучками для надежности.

– У-уй! – вопил Фредди, отплясывая с памперсом на макушке по площадке. – Я ослеп! Ах, как пахнет! Ах, как пахнет!

Оступившись, он слетел с лестницы и с хрустом ушел в сугроб.

– Буду с Роджером дружить, – ворчал он, бредя спустя полчаса по темной улице. – Он мой товарищ. Не то что разные там плодоносящие и руководящие...

Роджера вконец разъяренный Фредди нашел в студии, на двери которой было мелом написано: «Здесь – кросс!»

– Кроссы устроили! – рассердился Фредди, стуча в дверь ногой. – И где? В святая святых! Ну, я им покажу! Каждый от меня получит! Каждый!

Но спустя минуту он уже вылетал из окна, а Роджер смотрел ему вслед и хохотал, как ненормальная кукабарра. Из-за его плеч выглядывали здоровенные парни с гитарами, а один угрожающе потрясал губной гармошкой.

– Это моя новая группа – «Кросс». – крикнул Роджер. – А тебе не мешало бы отдохнуть! Усталый ты какой-то. Нервный стал. Глаз не дергается?

– Пошел отсюда! – был ответ из сугроба.

– Нет, правда! – не унимался Роджер. – Тебе надо сменить имидж! Попой-ка!

– Я так и знал, что вы там пьете, а не играете, – сплюнул Фредди.

– Да нет, ты попой-ка в опере! – посоветовал Роджер. – Вот эдак – а-а-а! О-о-о!

В стекло рядом с головой Роджера вцепился мощный снежок.

– Дурак ты! – обиделся Роджер. – Я тебе умное говорю. Вон Градский. Знаешь Градского? Тоже в опере был, и даже пел там какого-то петуха...

– Петуха? – с сомнением сказал Фредди. – Градский, говоришь? Гм. Ладно, я подумаю. Кстати, у меня для тебя тоже есть кое-что!

– Да? – обрадовался Роджер, высовываясь из окна.

– Да, – кивнул Фредди и закатал ему снежком в глаза.

После этого он долго спасался от всей роджеровой группы через подворотни и проходные дворы. Спасшись, он решил все же последовать совету Роджера в плане отдохнуть. И поехал на Ибицу. Ему даже не дали выйти из самолета и подожгли шасси. Еле взлетев, Фредди принял решение погулять пока по Мадриду – рядом все-таки.

В Мадриде Фредди тут же набился на интервью на местное телевидение, в котором он со вполне понятными целями рассыпал похвалы местной оперной знаменитости Монсеррат Кабалье. Вернувшись с телестудии, он забрался с ногами на диван, подвинул к себе телефон и пакет с горохом и принялся ждать, дрожа от нетерпения и плюясь гороховыми стручками во все стороны. Звонок не заставил себя ждать. Монсеррат принялась выражать ответные восторги в адрес Фредди.

– Я в восхищении! – кричала она.

- Королева в восхищении! – отвечал Фредди.
- Нам бы... того! – намекала певица.
- Нам бы... этого! – интимно вторил Фредди.
- Спеть бы, – хором сказали они. – И непременно оперу.
- Черт возьми! – опять же в один голос заметили они.
- А разве вы уме... – начала Кабалье.
- А вы меня нау... – откликнулся Фредди.
- Жду.
- Щас.

Через неделю в дверь к Монсеррат, которая уже извелась, ожидаючи, постучали. Судя по звуку, стучали ногой. Певица открыла и заорала:

– Дверь портите!!!

– Прощу прощения, – галантно снял шляпу невысокий немолодой человек с усиками на бледном лице. – Это здесь делают оперу?

– Ага, – недружелюбно сказала Монсеррат. – Но вас это не касается.

– Так я же вам звонил! – закричал усатый человек, и знаменитая певица с ужасом узнала в нем знаменитого певца.

– Боже, как вы плохо выглядите! – с чувством сказала она. – Вылитый Кощей!

– Недоедаю я, – скорбно склонил голову Фредди. – Страдаю я.

– Как я понимаю, вы и есть Фредди Меркури? – уточнила певица.

– Точно так-с, – и Фредди шаркнул ножкой.

– Ну а я – Монсеррат Кабалье, – и невероятно толстая тетя сделала книксен. При этом внушительная корма ее вспомнила, что она – центр тяжести, и перевесила. Всей своей невероятной громадой певица обрушилась на ни в чем не повинный журнальный столик орехового дерева.

Даже если бы на месте столика сейчас спокойно жевал свою жвачку гиппопотам, это обстоятельство не спасло бы его от печального конца – столик с диким криком разлетелся, а тетка с ужасным воплем грохнулась на пол, увлекая за собой Фредди.

– Та-ак, – проскрежетал чей-то, печально знакомый Фредди, голос. – Та-ак. Вот, значит, что вы тут подельваете! А трепал-то: «Больной, больной!» Вижу я, какой ты больной! Пощады не ждешь! Милости не просить! Убью.

Фредди с Монсеррат в страхе смотрели на очень злую Мэри, которая чеканным шагом прошествовала к бывшему столику и ахнула по нему ногой. Останки деревянной продукции разлетелись по всей комнате, а из недр их вдруг выскочил какой-то ключ. Мэри поднесла его к глазам, и Фредди обмер – ключ был от его гостиничного номера! Видать, выскочил из кармана при падении – и вот вам добрый день, веселая минутка!

Мэри ухнула. Фредди зажмурился. Ключ впечатался ему аккурат промеж глаз. Монсеррат же, вместо того, чтобы воспomoществовать, захлопала в ладоши, сбегала на кухню, вернулась оттуда с добротной скалкой и принялась обрабатывать Фредди так весело и ловко, что Мэри с уважением обняла певицу, сказала:

– Теперь я спокойна. Он в надежных руках.

И ушла. А Фредди так кричал, что порвал свой голос к свиньям и теперь только тихонько попискивал, как голодный комарик.

– И так, – с хрустом потянулась толстая тетя. – чтобы стать настоящим оперным певцом, надо... Погоди, не так. Надо сперва как следует покушать. Потом – чтобы вокруг тебя была зеркальная чистота, располагающая к комфортному пению. Затем... Ты еще здесь, чудище? Беги в магазин!

Так у Фредди началась черная жизнь. Он ходил в магазин, готовил еду, убирал квартиру и безропотно ждал, когда же его начнут учить. По вечерам Монсиха возвращалась из театра

и начинала мучить Фредди, заставляя его разучивать арии Ленского на немыслимом для парса-перса-индуса-англичанина русском языке. И все-таки понемногу получалось, знаете! Фредди вскоре даже смог выговорить такие ужасные слова, как «перестройка», «Горбачефф» и «Краснодаржелдорсервис», хотя не имел понятия об их назначении и применении. Да ему и не надо было. Он подружился с толстушкой и даже рассказал ей свою самую страшную тайну, в результате чего Кабалье с уважением отступила и прекратила свои постельные поползновения, что не мешало ей, впрочем, вовсе распускать слухи об их с Фредди предстоящей свадьбе, а также о том, что Фредди надоели усы и он их собирается сбрить. И, если первое предложение певицы Фредди не интересовало ни под каким соусом, то насчет усов он крепко задумался...

/ – картинка №73 – / **ФОКУС- ПОКУС, или НАДО ПРЫГАТЬ! /**

Однажды Филу Коллинзу надоело распускать слухи о предстоящей свадьбе Фредди и Монсеррат Кабалье. Поэтому он засучил рукава своей футболки с дерзкой надписью «Даешь сельское хозяйство Кордильерам!» (не к чести Фила следует сказать, что он был слабоват в географии и путал Кордильеры с крокодилами), и пошел раздувать новую сплетню. Она была еще чудовищнее предыдущей и состояла в том, что Фредди приглашает всех на свой день рождения, состоящийся, как обычно, пятого сентября, и желает принять от гостей как можно больше подарков и гостинцев!!!

– Замахнулись вы, товарищ Фил, – говорили ему в ответ на сплетню и крутили головами, так как всем было известно, что, во-первых, до дня рождения Фредди осталось сто восемьдесят дней, и во-вторых, какие гадости обычно делал Фредди с принесенными подарками, а равно и с принесшими их гостями.

Наконец, самой невероятной невероятностью, исходившей от Коллинза, была та новость, что Фредди, женившись в самом скором времени, никак не мог вернуться в Кенсингтон раньше весны двухтысячного года!

Фил торжествовал и палил из пушек. Такой сногшибательной лжи ему не удавалось придумать аж с того времени, как его избил за слух о том, что мистер Дэвид Роберт Джонс, Дэвид Боуи, Зигги, Алладин Сейн, Паук с Марса, Король Гоблинов Джерет и Лемон из одноименной песни группы «U2» – одно и то же лицо!

Били его славно – всем скопом. Накинулись из-за угла, повалили и влать потоптали ногами. Дубина так гуляла по филым бокам, что Коллинз потом два месяца ходил в безукоризненно чистом голубом двубортном костюме, хотя каждой собаке было известно, что этот костюм Коллинз собственноручно нашел на городской свалке, и даже Фредди, орудуя тремя сапожными щетками, стиральным порошком и НПП «Вираз», который идеален для уничтожения тараканов, блох, постельных клопов и рыжих муравьев, не смог-таки до конца отчистить проклятый костюм. Причем до химчистки костюм был однобортным и коричневым!

И вот представьте себе удивление, и даже поражение (а кое у кого данное сообщение вызвало даже истерику), когда через неделю в Кенсингтон пришла телеграмма, из которой стало известно, что мистер Фредди Меркури приглашает всех желающих на свой день рождения в Кенсингтоне, ради чего сам он прибудет в Лондон через два месяца, чтобы обстоятельно подготовиться к торжествам. Видимо, и самого Фредди ничуть не смущало, что его день рождения намечается только через полгода.

Фил после получения телеграммы уподобился скалярии. Он ходил по улицам с дебильным выражением лица и лишь беззвучно открывал и закрывал рот. Никто не сказал ему ни слова утешения – никому не было жаль злого и лживого трактирщика. Кроме не менее злого и не менее лживого почтальона Джеффа Бакли, который, к слову сказать, тоже не утешал Коллинза. Он жалел его втихаря, дома, у телевизора, за чашечкой кофе и пирожным «картошка».

Фредди, что характерно, не обманул. После окончания всей этой таски с записью «Барселона» он к вящей радости Монсеррат сбрил усы, потом съездил на Ибицу к Пайку, публично попросил прощения перед всеми ибицянами, итогом чего стал грандиозный оперный концерт. Фредди пел вместе с Кабалье, Пайком, всеми членами его семьи и Элтоном Джоном, захавшим как бы случайно. Ибицяне вопили от восторга и простили хулиганам все, а мэр острова публично разорвал и сожрал анафему в адрес Фредди, подписанную администрацией Ибицы и всеми ее жителями.

Дабы сделать Фредди приятное, Пайк научил Фредди не бояться воды (как вы помните, Фредди обожал купаться в ванне, а природных скоплений воды не переваривал, особенно

после того, как в недавней истории с барракудами чуть не утонул). Но теперь все было позади, и Фредди приятно поражал взор друзей, бесстрашно заплывая на глубину, откуда был даже виден дом Пайка, и вытаскивая со дна такие дары моря, что даже добрейший Элтон Джон ахал и заливался слезами. Здесь были морские огурцы, морская капуста, морская икра и трепанги, крабы, кальмары, акулы и даже белый кит Моби Дик, который сперва хотел закусить отважным ловцом, однако, увидев, кто сей ловец, сдался на милость победителя.

После отдыха Фредди собрал вещи, поцеловал в щечку Монсеррат и уехал в Лондон. Но от толстой тети не так-то просто было отделаться. Она поплакала-поплакала, да и двинула за ним. Приехав, она зашла к Мэри.

– Совсем обрыдла эта Испания! – плакалась она. – Никто меня не любит!
– Да что ты понимаешь! – утешала ее Мэри. – Все тебя любят, Кабальеша!

И украдкой подливала ей в чай водки. Монсеррат успокоилась.

– Ну, я пошла спать! – сказал она и устроилась прямо на полу.

Фредди тем временем вышел из дома, где он разбирал свои испанские сувениры, и отправился на рынок за быстрорастворимой лапшой. Там он и наткнулся на Брайана, который, сидя по-турецки, занимался чем-то сокровенным, тихо посапывая от радости.

– Мэйко! – хряпнул его по плечу Фредди. – Ну, как дома? Как дела? Как же ваша работа, гражданин начальник?

– Не мешай, – отрезал Брайан. – Я занят. Тайна у меня.

– Секреты? – Фредди запрыгал. – Дай позекать!

Брайан отвернулся, всем телом закрывая что-то интересное и небольшое, лежащее на земле.

– Давай-давай! – вопил Фредди. – Что, ну что там?

Брайан упорно не показывал. Точнее, он упорно старался не показывать, но предательский туз червей выскользнул у него из-под ладони и открыл скрытое.

– Что? Не-ет! – Фредди закрыл глаза рукой, как бы ожидая, что Мэй вот-вот с дьявольским хохотом растворится в воздухе. – Не-ет, Мэй, ты не можешь... Да никак.. Ты?! Не говори мне только, я сам догадаюсь. Ты – показываешь карточные фокусы?

– Я только учусь, – бормотал Мэй, сгребая карты. – Нельзя, что ли?

– Лю-уди-и! – загорланил Фредди, маша всем. – Идите-ка! Позырьте! Мэй демонстрирует ловкость рук и немного мошенства! Факиры и фиесты!

– Я вот тоже сейчас всем расскажу, что ты.. ммм.. пасьянс умеешь раскладывать! – крикнул Брайан и засмеялся. Но жидкий пасьянс не мог сравниться с волшебным престиджи-торством человека, который был хорошо известен всему району как дырвяорукий и тетеха. Со всех сторон уже неслись выкрики:

– Что? Фокусы?

– Ага! Мэй показывает!

– Фил! Лимонаду давай – шоу!

– Где? Да где?

– Да на площади!

– Парад военной техники, говорят?

– Сам ты парад! Фокусы!

– Ну я и говорю – Мэй на лошади!

– Выше бери – на верблюде!

– Белом! Военном!

– Идешь, нет?

– Ха! Не каждый день Брай на осле катает!

– Дорого?

– За пятак.

– Видишь, гариллаз, что ты натворил? – всплеснул руками Брайан. – Все. Я пошел.

И он шмыгнул в какую-то щель. Фредди бестолково взмахивал и кричал, чтобы его пропустили, но было поздно – плотными рядами его окружали кенсингтонцы с шезлонгами, стульями, креслами, табуретами и жаждой фокусов в глазах.

– Пошли вон! – визжал Фредди, маша полотенцем. – Пошли вон! А не то Буя покличу!

Вперед, растолкав зрителей, вышел Дэвид Боуи. Он молча расстелил свою газетку и уселся на нее.

– Боуи просил передать, – сообщил из-за его плеча Элтон Джон. – что будет очень рассержен, если показ не начнется прямо сейчас. И еще он сказал, что ему твой безусый вид не очень нравится, но он потерпит. А также он не видит Брайана, и это его злит.

– Он сам не может сказать, что ли? – рявкнул Фредди. – Курбаши нашелся!

– А на это Боуи отвечает, что ждать боле не может, и тебе будет худо.

– И что будет? – Фредди упер руки в бока и затряс пузом, смеясь.

Боуи молча полез за пазуху и принялся демонстрировать мигмом потерявшему рассудок Фредди различные предметы – фотографии петухов, лопаточки для тортов, плакаты группы «Скорпионс», и даже вынул из ботинка маленький золотой светофорик. Фредди охал, блял и вращал глазами, как околевающая коза, но Боуи был непреклонен.

– Несут! Несут! – вдруг закричал Фред. – Маисик, ласковый ты мой, уже все сейчас будет!

И он показал куда-то вбок от сцены. Боуи, а за ним и другие стали поворачивать головы и, увидев, радостно улыбаться. И было чему! Ринго, Кокер и Джеймс Хетфилд тащили за руки и за ноги отчаянно брыкающегося и вопящего что-то про произвол и что это его личное дело – фокусы показывать – Брайана. Но не вид дергающегося Брайана удивил всех – кто не видал, как дергается Брайан? Всех больше поразил Ринго, ведь он, по слухам, в это самое время лечился от алкоголизма в специальной клинике доктора Албана! А оттуда мало кого выпускали досрочно. Да еще привлекал внимание новенький маршальский жезл в руках Ринго вместо обычного и привычного тамбурмажора. Но это совсем другая история, равно как и история про козла, которого достал где-то Фредди, как и про пистолет, купленный Фредди, как и про новый язык, выдуманный Фредди, как и... Но обо всем этом вы узнаете только из специального «Приложения к «Истории группы «Куин». Там еще много всего будет, но сейчас мы рассказываем совсем о другом. Ну вот, заболтались и пропустили, как Блюстителю подтащили Мэя к сцене летней эстрады и, раскачав, вбросили на нее. В зале захлопали, приняв это за первый фокус. Фредди подошел к охающему Брайану и осторожно потыкал его ботинком.

– Вставай, факир, – сказал он хмуро. – Работать пора. Побьют.

– Я не работаю на открытых местах, – стонал Брайан. – Здесь чего? Голая степь! А мне нужна...

– Ясно, – кивнул Фредди. – Ты еще не видел.

– Чего? Ого! – это Брайан, наконец, увидел, во что превратилась обычная летняя сцена – ее уже оборудовали порталами, прожекторами и занавесом, а наверху, на колосниках, возился какой-то запоздалый кенсингтонец, прилаживая последний софит. Зрители же покатывались со смеху, глядя, как потешно, по-совиному вертит головой Брайан.

– Фокусы! Фо-ку-сы! – скандировал зал.

– Господа! – начал, осмелев, Брайан. – Я...

В первом ряду кто-то так дико заржал, что подавился. Не от того подавился, что заржал, а от того, что кто-то сзади стукнул его по спине колотушкой.

– Фокус первый – исчезающая девятка! – крикнул Брайан и шепнул пляшущему на краю сцены Фредди. – Это единственный, который я успел выучить...

Он вынул из кармана колоду, перетасовал и только хотел предложить кому-нибудь снять, как вдруг застыл с открытым ртом – перед ним стояло восемь очень важных человек.

– Мы – девятка добровольцев! – сказал Роберт Плант. – Исчезни нас!

– Где девятый? – нагло спросил Фредди.

К шеренге, застегивая на ходу штаны, подбежал Брайан Джонсон.

– Тут я, тут, – проворчал он. – Опростаться нельзя...

Брайан, не имеющий понятия, что вообще происходит, принялся, как шаман, бродить по сцене, делать таинственные пассы руками и притопывая, скакать вокруг своей оси. Остановившись посреди сцены, он грохнул каблуком в доску – и все девятеро исчезли.

– Девятка эта таперича, – подоспел на выручку ошеломленному Брайану Фредди, – находится в шестом ряду, места с тридцать первого по сороковое!

Зрители оглянулись и ахнули – действительно, на означенных местах сидела мрачная девятка, от которой дьявольски разило.

– Ангус не дремлет, – шепнул Фредди Брайану, так и стоящему с разинутым ртом.

Сидящие рядом с девяткой принялись отсаживаться и кривить рожи.

– Воздуха! – надсадно захрипел кто-то. – Воздуха, черт побери!

Во втором ряду поднялась спасительная рука, сжимающая освежитель, и принялась орошать удушливое пространство. Элтон Джон, побледнев от сознания того, что не это первый придумал, кинулся в лавку и вскоре вернулся, таща за собой сумку с баллончиками. Денежки лились рекой (один Плант купил сразу пять штук!), и Элтон радостно хохотал, приплясывая под золотым дождем.

– Я еще один фокус знаю, – робко заметил Брайан. – С появляющейся семеркой...

Зрители дружно заорали на него и сильнее запшикали дезиками.

– Вот фокус, дурик! – раздался крик со сцены. То Фредди решил привлечь внимание к своей скромной персоне. – Гля, как умею! Опа! Опа!

И он изо всех сил закачал бровями попеременно вверх и вниз. Зрители захлопали и потребовали объяснений.

– Ничего сказать не могу, – мотал головой Фредди. – Тайна физиологии!

– Ха-ха, – ответ Брайана был скептицизм. – Я смеюсь над тобой. Хе-хе. И еще хо-хо. И я так могу! – и он так усердно замахал бровями, что одна из них замерла, тихонько поколыхалась – и спланировала на землю, как перышко Форреста Гампа. Все ахнули.

– Кажется, это смешно, – с сомнением сказал кто-то.

Зрители гневно обернулись, а из прохода к источнику презренного гласа быстро направился Ринго. Неизвестный юркнул под сиденья и спасся, просидев там до самого конца представления. История не сохранила имени таинственного незнакомца, хотя всем доподлинно известно, что это был Стивен Кинг.

Когда же все вновь обернулись к фокуснику, слов ни у кого по-прежнему не нашлось – слишком унижительным и бессовестным было зрелище.

– Да ты посмотри на себя! – дрожащим от гнева голосом крикнул со своего места Джон. – Ты рассыпаешься на глазах!

– Старая рухлядь! – свистал дедушка Джорджа Харрисона. – Лошадь! Фю-у-у!

Бабка Дикона тут же отвесила ему солидную плюху. Боуи же медленно поднялся со своего места и, не веря своим глазам, пролепетал:

– Зигги?!!

– У-ум, – покачал головой смущенный Мэй. – Зигги играет левой рукой, и делает это неплохо. Я же левой – ппррр, – сделал он бесстыдный звук языком.

Боуи разинул рот для оскорбительного крика, но тут произошло нечто из ряда вон: из дыры в полу, куда перед этим исчезла великолепная девятка, медленно высунулась голова Стинга. Безумно вращая глазами, она дернулась и запела:

– О-о-о, сам-мер-та-айм!

Предание гласит, что слова эти тут же были расшифрованы и истолкованы. Но по-разному. Одни были вольны услышать это восклицание, как песню «О-о-о, это лето!», другие –

как возглас «О-о-о, время Самнера!», ну а третьи, особо оппозиционно настроенные граждане уловили в этом сольном исполнении маэстро злобный выпад в адрес сбежавшего Гризла, звучащий как «О-о, о-о, заберу медведя в зоо».

Таким образом посреди летней эстрады тут же образовалась неприятная драка. Все яростно отстаивали свою точку зрения, и свалка рассыпалась только тогда, когда Стинг неожиданно замолчал. Оказалось, какая-то добрая душа метнула в него томатом. Стинг подавился. Сидящий в заднем ряду косвенный участник драки Гризл заревел и захлопал в ладоши.

Тут же на сцене появились Род Стюарт и Брайан Адамс, своим появлением заставив участников потасовки разползтись и рассестись по местам. Общими усилиями мушкетеры выволокли несчастного друга из дырки, обняли его с двух сторон и, раскачиваясь, запели песню «All for love».

Фредди под шумок спустился со сцены, расстелил клееночку прямо между рядами, лег и попросил не будить. Спустя десять минут его просьба была аннулирована неожиданно заревевшим в мегафон Адамсом.

– Я бужу соседкушек! – орал Адамс. – Эй, вставайте! Пришла беда, откуда не ждали!

– Мы уж видим, – и к эстраде стали пробираться Стивен Сигал и Дольф Ландгрэн. Незадачливые мушкетеры засуетились, а Стинг встал на колени перед Адамсом и затряс его за штанину, попросив не шуметь больше.

– Больше? – удивился Адамс. – Да я только начал! Они меня пугают! Ха! Почему я встал у стенки – у меня дрожат коленки, да? А МНЕ НЕ СТРАШНО! – завопил он прямо в ухо Стингу, забыв убрать ото рта матюгальник. Стинг тут же захехекал и полез вверх по занавесу. Тут как раз на сцену ворвались секьюрити. Они подхватили всех присутствующих под микитки, Стинга отодрали вместе с куском занавеса, и сложили их штабелем в любезно предоставленную Элтоном тачку из-под дезиков. Все зааплодировали, а Дольф, углядев в толпе зрителей Баббу Смита, жующего трехэтажный бутерброд, вежливо попросил:

– Господин гардеробщик, вы не поможете нам с багажом?

– Г-гардер-робщик! – Бабба отправил бутерброд вон, вскочил на сцену, схватил тачку в охапку и со всей дури запустил ее в безвоздушное пространство. Затем те, кто остались в живых, раскланялись и с достоинством удалились под свист массовки.

Тут вернулся Брайан.

– Знаете фокус с веревкой? – заговорщически спросил он.

– Откуда бы? – пожал плечами Боно. – Я что вам – палач, что ли?

– Не палач, – корректно поправил его БГ, сидящий рядышком в позе лотоса, – а казнейей. Это я вам как специалист говорю.

– Фокусник! – вдруг раздался чей-то пронзительный голос. – Фокус-ник!

И на сцену, звеня и подпрыгивая, вылетела Шаннен Догерти, известная своим пристрастием к фокусникам и любителям комиксов, а также лютой ненавистью к Люкам Перри и Джейсонам Пристли (кстати, кенсы только из-за этого их и знали). Шаннен же не теряла времени, подскочила к Брайану и повисла у него на шее.

– Мадам, – кротко заметил Мэй, – Не надо прыгать и висеть. Мне тяжело.

– Вот это фокус! – завопил из зала Джимми Пейдж. – А веревка-то? Где веревка?

– Меня зовут, – завертелся по сцене Брайан с нависшей дамой. – Вервие требуют. У тебя есть?

– Фокусник! – как маньячка, твердила Шаннен с пеной у рта. – Покажи мне фокус-покус!

– Ага, – сказал вдруг за спиной Брайана чей-то ледяной голос.

Брайан съежился. Зрители оживленно зашумелись – фокусы явно перерастали в мыльную оперу.

– Ага, – повторил голос. – Вот как, значит?

– Понимаете ли, – задумчиво сказал Брайан, и тут его схватили и повернули на 180 градусов. Глаза Аниты смотрели на него снизу вверх и метали маленькие молнии.

– У тебя глаз красный, – заметил Мэй. – Сосуд лопнул, кажется.

– Вот сосуд, – показала Анита на кувшин, который держала в руке. – Но он еще не лопнул.

Пока, – и она мощно закатала кувшином Брайану в лоб.

– Иди отсюда! – заревела она Шаннен. – Кошка драная!

– Кошка? – на сцену добрым псом взлетел Фредди. – Где кошка? Кс-кс-кс!

Шаннен, визжа, подскочила к нему и уселась на шею.

– Знает свое место, – с удовлетворением сказал Фред. – Ученый зверь.

– Она же толстая! – с укором сказал Брайан.

– Чья бы корова, – с презрением поглядел на взбешенную Аниту Фредди. – Видал я таких толстух, рядом с которыми эта – просто толковый словарь.

– Докажи! – вцепился в слово Мэй.

– Смотрите, уважаемый, – и Фредди показал в зал, и Брайановы брови прочно заняли положение между пятой и шестой морщиной на лбу. На скамейке последнего ряда сидели всего четыре дамы, но от веса их скамейка прогнулась, как лук Робин Гуда. Звали этих художавых женщин, как вы уже догадались, Мэри, Барбара Валентин, Монсеррат Кабалье и Брин Бриденталь, о которой в нашей истории сказано не было и больше не будет. Для справки – это подруга Фредди и представитель квинов в Америке. Ну и хватит о ней.

Фредди с сидящей на шее Шаннен величаво прошествовал в зал и сдал ее там на поруки Стивену Сигалу, которому девушка тут же и вскарабкалась на шею.

– Тебе полезно, – сказал Фредди Сигалу и вернулся на сцену, где творилось нешуточное. Анита, впрочем, уже оставила Брайана и удалилась в зал, но на злосчастного фокусника сыпались упреки и плевки от благодарных зрителей.

– Ну что там с веревкой? – орали из толпы. – Тоже мне – ахалай-махалай!

– Все вы знаете... – начал Мэй.

– Фокус с веревкой! – дружным ревом отозвался зал.

– Именно. Так вот, смотрите внимательнее, фокус делается один раз и забывается мгновенно!

Он вытащил из суфлерской будки два метра толстого манильского каната, за один из концов которого зубами держался кладовщик – Лу Рид.

– Разбазаривать не дам! – ворчал он, трепя зубами хвост каната. – Не смей расхищать всенародную собственность! Кулак и батрак!

– Да отвяжись ты! – пыхтел Брайан, лягая настырного завхоза. – Все верну! Фокусничать не даешь, мырма!

– А кто уплотит? – тянул к себе канат Рид. – Кто отвечать будет? Не знаешь? А я вот знаю. Кладовщик будет отвечать. Каждый ящик на учете. Не дам каната!

– Уберите! – подал знак Ринго. – А то так и не узнаем про загадку!

С места в карьер срываются Ландгрэн и Халк Хоган, но Лу уже понимает, что сила не на его стороне и с проклятиями исчезает в будке.

– Итак, начинаю колдовать! – хрипит Мэй, сражаясь с проклятой веревкой, которая, кажется, всюду и везде. К тому же подлец Рид назавязывал на канате множество узлов. В конце концов Мэй сооружает из веревки некое подобие уродливого банта, выдыхает, затем тащит из кармана полураздавленный в пылу отъема каната банан и сжирает его. Швырнув корку через плечо, он в страхе приседает – за его спиной раздаются страшные ругательства, а в зале творится неопишное веселье. Обернувшись, Брайан видит свою шкурку, как причудливый тюрбан, устроившуюся на голове Элтона Джона.

– Издержки, – шипит Брайан. – Прощенья просим!

Элтон молча снимает шкурку с головы и начинает рвать ее на длинные аккуратные полоски. При этом он бормочет себе под нос какие-то индейские заклинания, и – хлоп! – Брайан мгновенно лысеет. Дикий хохот вновь сбивает с толку несчастного факира, и тот, сожравши очередной банан, запускает шкуру туда же, куда и первую. В первых рядах уже не могут смеяться – корка повисает на самом кончике носа Элтона, который становится похож на индюка с желтым носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.